

— Ты только подшучивай! Кашель, кашель... — Линь Фань снова закашлялся. — Главное, кто поверит в такую историю? Мы что, играем в «черное на черное»? Если бы вместо тебя был такой красавчик, как Е Гуйчжоу, с нежной кожей, может, я бы и согласился сыграть вместе, ха-ха!

Фу Синьдун тоже рассмеялся.

В этот момент в его сознании вдруг возник образ юноши в белом, улыбающегося на вершине пика Тяньду, среди бескрайних облаков.

Ветер развеивал его черные волосы, и он протянул пальцы, белые как нефрит, чтобы поправить прядь на лбу. Его взгляд, подобный водной ряби, мягко скользнул в сторону, словно обращаясь к стоящему рядом Фу Синьдуну. Холодное, как лед, лицо юноши в момент встречи их взглядов вдруг осветилось озорной улыбкой.

В этот момент Фу Синьдун понял, что этот мужчина, одетый в костюм Е Гуйчжоу, в его сердце превратился в того, ради кого он хотел бы вернуться домой и сварить куриный суп... Ло Си.

Глядя на кастрюлю с супом, стоящую на слабом синем пламени газовой плиты, и вдыхая все более насыщенный аромат куриного бульона, Фу Синьдун, прислонившись к дверному косяку, впервые за долгое время позволил себе улыбнуться в тишине своих размышлений.

Он вспомнил, как вчера вечером этот красивый молодой человек с нежным лицом, уткнувшись в крышку термоса, с жадностью пил суп, как его мягкий язык касался уголков губ, чтобы слизать остатки бульона. Затем он естественным образом вспомнил, как его пальцы касались кожи Ло Си, когда он помогал ему обтираться.

Это было ощущение тепла и гладкости, подобное нефриту. Фу Синьдун знал, что когда его пальцы, сначала случайно, а потом намеренно, касались этой гладкости и нежности, он чувствовал себя вором, который боится, что его поймут с украденным сердцем, спрятанным глубоко внутри.

Он не мог не вспомнить тот смущающий, но приятный сон, который приснился ему сегодня утром.

Во сне он снова находился в больничной палате, помогая Ло Си обтираться, но на этот раз они оба были покрыты таким количеством пота, что, казалось, уже не могли выдержать жару. Вскоре они сбросили с себя всю одежду.

В полузабытьи они оказались в тренировочном зале полицейской академии, где он когда-то учился. На большом мате они, обнаженные, практиковали приемы захвата и освобождения.

Ло Си, вопреки своему нежному лицу, оказался невероятно сильным. Они катались по мату, и никто не мог одержать верх.

В конце концов, физическое превосходство Фу Синьдуна позволило ему взять верх, и он крепко прижал юношу к полу.

— Сдаешься? — Фу Синьдун почувствовал, как человек под ним пытается вырваться, и крепче обхватил его своими сильными ногами.

— Не сдаюсь! — Ло Си, выгнув свои упругие ягодицы, начал раскачиваться, пытаясь сбросить Фу Синьдуна.

— Не сдаешься? Тогда я тебя покорю! — Упрямый тон парня только усилил желание Фу Синьдуна подчинить его.

— Не думаю, что у тебя хватит смелости! — Несмотря на то, что он был крепко прижат, юноша продолжал сопротивляться.

— Черт!

Яростное пламя гнева и страсти вспыхнуло в голове мужчины. Он яростно прижал парня к полу, не оставляя ему ни малейшего шанса.

В тот момент, словно высокая гора, пронзающая небесные облака, они слились воедино, и уже никто не мог вырваться.

До тех пор, пока мягкие облака, наполненные весенним дождем, не окутали долину.

Очнувшись от воспоминаний, Фу Синьдун взглянул на газовую плиту. Огонь был спокойным, и суп, казалось, достиг своего пика, источая непередаваемый аромат.

Он глубоко вдохнул аромат, но вдруг смущенно улыбнулся, вспомнив финал утреннего сна.

С тех пор, как он стал взрослым, удовлетворение он находил лишь в физических упражнениях. Но сегодня утром, в этом сне, где сцены постоянно менялись, он, используя приемы, изученные в полицейской академии, наконец, крепко прижал непокорного юношу и, не жалея его, подчинил себе. И, в конце концов, удовлетворил себя.

В последний момент сна Фу Синьдун издал громкий крик, сопровождаемый судорогами его сильного тела. Он полностью проснулся, и его наполнило невероятное чувство удовольствия.

Как и аромат супа, он не мог забыть тот дикий, насыщенный мужской запах, который наполнил его спальню.

Фу Синьдун, стоя у двери палаты, машинально поправил волосы и воротник. Опустив руку, он вдруг осознал, что делает, и мысленно упрекнул себя.

В комнате никого не было. Белоснежные простыни аккуратно застелены, за окном — тихая ночь. Вся комната была тихой, словно бескрайняя пустошь, забытая временем.

Фу Синьдун почувствовал необъяснимое напряжение. Профессиональная привычка заставила его быстро осмотреть комнату, и только тогда он успокоился.

Некоторые недорогие личные вещи все еще лежали в палате, значит, юноша не ушел без предупреждения.

Он поставил термос на прикроватный столик и, подумав, направился в кабинет дежурного хирурга.

Только он свернул за угол коридора, как навстречу ему, едва не столкнувшись, стремительно побежало короткое, но невероятно проворное тело.

— Ха! Большой полицейский действительно пришел! Ц-ц-ц, наш Ло Сяоси настоял, чтобы я вернулся в палату и ждал, сказал, что сегодня будет куриный суп от повара полицейского управления, и боялся, что, пока он у врача, в палате никого не будет, и это будет невежливо. Скажите, Фу Синьдун, разве наш Ло Сяоси не милый и воспитанный мальчик?

Глядя на поднятый мизинец Ян Вэя и его оживленное выражение лица, Фу Синьдун нахмурился.

— Ты вернулся, а кто с ним? Его семья не приехала?

Невероятно длинные ресницы Ян Вэя быстро замигали. Он огляделся, вздохнул и тихо сказал:

— Эх, у Ло Сяоси нет семьи. Он сирота, вырос в детском доме.

Фу Синьдун тихо произнес «ага», и его глаза сузились. Его правая рука машинально потянулась к карману брюк за сигаретами, но вместо пачки он нащупал грецкий орех, который всегда носил с собой.

Он провел пальцами по гладкой поверхности ореха, а в голове проносились разрозненные образы.

Слово «сирота» словно задело какую-то струну в его душе. В этот момент он вдруг вспомнил ту коротковолосую женщину, которая тоже лежала в больнице. Она тоже была сиротой, умственно отсталой сиротой.

— Как вы познакомились? У меня такое ощущение, что вы не просто коллеги.

Они медленно шли к кабинету дежурного врача, и Фу Синьдун, казалось, невзначай задал вопрос.

— Ох, это долгая история. Мы с Ло Си познакомились в художественном училище в Цзилине, а после выпуска вместе отправились в Цзинбэй. В шоу-бизнесе непросто, и только в конце прошлого года Сиси наконец-то начал добиваться успеха.

Ян Вэй достал из сумки пачку салфеток для удаления жира.

— Я из северо-востока, а он — сирота, без отца и матери. Не знаю, чистокровный ли он северянин. Но с десяти лет он работал в театральных труппах на северо-востоке, играл второстепенные роли, терпел трудности и заработал немного денег. Потом он решил, что не хочет всю жизнь быть в труппе, и поступил в художественное училище за свои деньги. Вот так мы и познакомились.

Ян Вэй продолжал говорить, постоянно прикладывая салфетки к лицу.

— Ой! Я слишком много сказал, дядя полицейский. У нашего Ло Си в интернете нет такой информации. Что со мной, я все вам рассказал! Фу Синьдун, вы должны сохранить это в секрете для нашего Сиси!

Фу Синьдун кивнул.

— У меня есть профессиональная этика, не волнуйтесь, продолжайте.

Велик мир, но негде жить; одежда рваная, и другой нет.